

Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

Основная проблема стратегической стабильности в начале XXI века состоит в том, что представления о способах и механизмах предотвращения ядерной войны, выработанные во второй половине XX столетия, перестали соответствовать изменившейся геополитической обстановке, уровню развития технологий и психологическому настрою в мире. Чтобы сохранить стабильность, необходимо пересмотреть многие прежние взгляды на международную безопасность в ядерный век и скорректировать политику в этой области.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В начале XXI века после 25-летнего перерыва в мировую политику вернулось *соперничество великих держав*.

Краткий период относительно бесконфликтных отношений между всеми ведущими игроками при безусловном доминировании Соединенных Штатов Америки завершился. Устойчивую однополярную систему в глобальном масштабе создать не удалось. Вначале

вера в лидерство США была подорвана финансовым кризисом 2008 года, затем геополитический вызов американоцентричному миропорядку бросила Россия своими действиями на Украине и в Сирии в 2014–2015 годах. Наконец, в 2017–2018-м сам Вашингтон перешел к политике сдерживания усилившегося Китая. В результате Россия и США оказались в состоянии конфронтации, а между США и Китаем обострилось соперничество. Таким образом, отношения крупных государств вернулись к исторической норме.

Нынешнее противоборство держав существенно отличается от Холодной войны. На смену биполярному военно-политическому противостоянию пришло соперничество преимущественно в экономической и технологической областях. Основным конкурентом США в этих сферах выступает Китай, экономически тесно связанный с Америкой. *Выход Китая на авансцену глобальной экономики и политики* является важнейшим геополитическим изменением начала XXI века.

До сих пор Китай держался в стороне от «центральных» стратегических отношений между Москвой

и Вашингтоном. Ядерная политика КНР отличалась умеренностью и сдержанностью. Превращение Китая в глобальную державу, однако, сопровождается ростом его военной мощи. Дальнейшее развитие и модернизация Народно-освободительной армии Китая (НОАК), в том числе ее ракетно-ядерной составляющей, существенно меняют стратегический баланс не только в Азии и на Тихом океане, но и в целом на мировой арене.

Глобальная безопасность в XXI веке, таким образом, все больше зависит от действий и взаимодействия двух держав — Китая и Соединенных Штатов. Американо-китайские противоречия уже превратились в важнейшую ось глобальной политики. Вторая биполярная эпоха, однако, не наступила и вряд ли наступит — и в силу особенностей сильно фрагментированной глобальной среды, и из-за характера внешней политики Пекина, ориентирующейся больше на нужды самого Китая, чем на какой-то глобальный проект. В результате отношения США — КНР при всей их очевидной значимости не являются главным организующим элементом складывающегося миропорядка, в отличие от отношений СССР — США в период Холодной войны.

Россия, утратив ряд важных экономических, технологических и политических позиций по сравнению с советским периодом, продолжает оставаться ядерной сверхдержавой. Более того, Москва сохранила амбиции великой державы, претендующей на полную самостоятельность своей внешней политики, несмотря на сравнительно небольшой экономический вес и технологическое отставание от лидеров. В условиях огромной асимметрии положения двух стран по ключевым параметрам национальной мощи *Россия вступила в противоборство с США*, отстаивая возможность действовать сообразно собственным представлениям о национальных интересах и нормах международного поведения. В этом контексте ядерный арсенал, не уступающий американскому, является одним из главных аргументов Москвы в споре с Вашингтоном.

В то время как американо-китайские отношения являются самыми важными в первой половине XXI ве-

ка, российско-американские, в силу их несбалансированности, могут считаться наиболее опасными. Нынешнюю конфронтацию Москвы и Вашингтона можно определить как *гибридную войну* — противоборство, сопоставимое с Холодной войной, но во многом непохожее на нее¹. Такое противоборство таит опасность прямого военного столкновения РФ и США. При этом многие факторы, удерживавшие СССР и США от вооруженного конфликта, явно ослабли².

Дополнительным отличием нынешнего положения в мире от ситуации второй половины XX века является *позитивный характер российско-китайских отношений*. Враждебность, которой они были отмечены в период Холодной войны, сменилась тесным партнерством, не доходящим, однако, до уровня военно-политического союза. Такой тип отношений — между партнерством и союзом — мы предлагаем именовать *антантой*³. И Москва, и Пекин выступают против глобального доминирования Вашингтона. Однако при этом китайская стратегия до сих пор была направлена на мирное встраивание КНР в американоцентричную систему с целью постепенного смещения США с ключевых позиций, а российская политика сочетала «отбрасывание» США от российских границ с активным противодействием американскому влиянию⁴.

Сегодня треугольник Вашингтон — Пекин — Москва выглядит иначе, чем в 1970-е годы, но он вновь стал геополитической реальностью. При всех различиях в уровнях национальной мощи и влияния все три страны — Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика и Российская Федерация — важнейшие глобальные игроки в политической и военной областях.

Новой реальности стратегического треугольника США — КНР — РФ не соответствует унаследованная от XX века основа глобальной стратегической стабильности — двусторонние стратегические отношения между Москвой и Вашингтоном. Несмотря на то что на долю России и США все еще приходится около 90 % мировых ядерных арсеналов, отношения двух стран с 1990-х годов перестали быть главной

осью международных отношений. Рассматривая РФ как региональную державу, Вашингтон считал нецелесообразным сохранять прежние взаимные ограничения в стратегической области. Еще в 2002 году президент США Дж. Буш-младший вывел США из Договора по противоракетной обороне (ДПРО), считавшегося на протяжении тридцати лет «краеугольным камнем стратегической стабильности». В 2018-м президент Д. Трамп объявил о выходе США из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД). Под угрозой оказалось последнее из действующих соглашений — Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3), срок действия которого завершается в 2021 году. Полувековая эпоха контроля над вооружениями между Москвой и Вашингтоном очевидно завершается.

На этом фоне *отношения между США и Китаем пока что исключают сколько-нибудь глубокий диалог по военно-стратегическим вопросам*, не говоря уже о переговорах и соглашениях в этой сфере. Информация о ядерной политике и стратегии Пекина, а также об имеющемся у страны арсенале оружия является закрытой. Это относится не только к отношениям между Китаем и США. Несмотря на активное военное сотрудничество РФ и КНР, темы, связанные с ядерными вооружениями, остаются за скобками российско-китайских обменов. Нет оснований полагать, что в обозримом будущем Китай согласится обсуждать структуру и состав своих ядерных сил и тем более пойдет на переговоры по контролю над такими вооружениями⁵. В итоге три ведущие военные державы будут развивать свои ядерные вооружения и совершенствовать соответствующие доктрины в условиях все большей взаимной закрытости, отсутствия диалога и роста недоверия (особенно по линиям США — РФ и США — КНР). При этом руководствоваться они будут исключительно национальным видением стратегической обстановки.

Формально *ядерная многополярность* возникла еще в XX веке — после того как вслед за США и СССР ядерные вооружения появились у Великобритании, Франции и Китая. Ряд других стран также пытались разработать такое оружие или даже создал его (Израиль, ЮАР). Однако ядерная многополяр-

ность в период Холодной войны была скорее фиктивной, чем реальной, что объяснялось: 1) тесными союзническими отношениями Великобритании и Франции с США, 2) стратегической сдержанностью Китая, 3) очевидной ролью израильского оружия как последнего средства сдерживания арабских соседей и 4) отказом руководства ЮАР, решившегося на передачу власти черному большинству, от ядерной программы.

На рубеже XXI века ситуация изменилась. Создание в 1998 году ядерных арсеналов в Индии и Пакистане привело к появлению азиатского ядерного треугольника Пекин — Дели — Исламабад, каждая из сторон которого является вполне самостоятельным игроком, не зависящим от единственной сверхдержавы — США. Более того, война США в Ираке в 2003-м и интервенция НАТО в Ливии в 2011 году стали для государств, объявленных Вашингтоном изгоями, весомыми аргументами в пользу приобретения ядерного оружия как единственной гарантии внешней безопасности. Появление в Северной Корее ядерного оружия и средств его доставки на межконтинентальные расстояния коренным образом изменило ситуацию в отношениях США и КНДР. Соединенные Штаты впервые оказались уязвимыми по отношению к государству, которое они официально провозглашали изгоем и источником «зла», и вынуждены были пойти на переговоры с ним.

Успешные действия КНДР по отношению к сильнейшей державе современности демонстрируют, что любое современное государство способно в принципе (в случае если его руководство поставит перед собой такую цель и будет готово заплатить высокую цену) создать средство сдерживания любого возможного противника. На месте КНДР и США, в принципе, могут появиться другие страны совершенно разных весовых категорий. Ядерное оружие и средства доставки его к цели на любые расстояния поставят неравных противников на одну доску.

Выход США в 2018 году из международного соглашения по иранской ядерной программе и усиление давления Вашингтона на Тегеран повышают вероятность того, что Иран также может отказаться от ограничений и приступит к созданию собственно-

го ядерного оружия. Это, в свою очередь, будет стимулировать соперников и соседей Ирана — Саудовскую Аравию, Турцию и Египет — двигаться в этом же направлении. В условиях, когда США все больше дистанцируются от их номинальных союзников, государства, ранее полагавшиеся на защиту со стороны Вашингтона, могут начать искать более надежные гарантии безопасности, в том числе ядерное оружие. Это относится не только к региону Ближнего и Среднего Востока, но и к Восточной Азии — Японии и, не исключено, Тайваню.

Итак, в XXI веке *ядерное противостояние на региональных уровнях стало реальностью*. Взаимное ядерное сдерживание в сравнительно примитивной форме функционирует, но его надежность вызывает вопросы. В отличие от XX века региональная ядерная война стала большей угрозой, чем третья мировая. Неясно, например, готовы ли США окончательно смириться с тем, что их территория находится под прицелом межконтинентальных ядерных ракет КНДР. Очевидно только то, что денуклеаризация, о которой готов говорить Пхеньян, не означает одностороннего разоружения Северной Кореи, как это стремятся представить в Белом доме. Попытка США силой разоружить КНДР может привести не только к вооруженному конфликту на Корейском полуострове, но и к применению ядерного оружия. Такое столкновение может выйти за рамки войны между США и КНДР.

Итак, на месте биполярного, а затем однополярного мира возникла сложная конфигурация. На глобальном уровне расположились три крупных, но неравных по экономической мощи и политическому влиянию государств, обладающих солидной военной мощью, — США, Китай и Россия. На региональных площадках тем временем сложились «пары» ядерных держав, самостоятельных по отношению к ведущим игрокам и осуществляющих взаимное ядерное сдерживание. Наконец, создан прецедент, когда государство, сравнительно низко расположенное в мировой геополитической и геоэкономической иерархии, пытается практиковать ядерное сдерживание глобальной сверхдержавы. Это, однако, только верхний слой изменений.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Все ускоряющийся прогресс в развитии технологий привел к появлению за последние 30 лет новых видов и типов вооружений и совершенно новых возможностей. В условиях соперничества великих держав это логически ведет к гонке вооружений и меняет в сторону меньшей сдержанности доктринальные взгляды на применение ядерного оружия.

После своего выхода из Договора по ПРО в 2002 году США приступили к созданию глобальной системы *противоракетной обороны*. На сегодняшний день элементы этой системы эффективны в отношении одиночных пусков ракет или пусков небольшими группами. Россия в ответ активизировала работы по обеспечению гарантированного преодоления систем ПРО своими стратегическими наступательными вооружениями⁶. В результате на всю обозримую перспективу российские стратегические наступательные вооружения будут обладать способностью преодоления любых мыслимых в настоящее время систем ПРО⁷. Вместе с тем теоретическая возможность создания надежной национальной системы противоракетной обороны и развитие программ ПРО служат постоянным генератором недоверия и стимулом для опережающего развития наступательных средств.

Появление *неядерных систем вооружений, способных решать стратегические задачи*, создает теоретическую угрозу обезоруживающего удара против стратегических ядерных сил. Несмотря на то что расчеты показывают практическую невозможность в настоящее время уничтожить ядерный потенциал противника с помощью удара высокоточными обычными средствами, развитие таких систем существенно усложняет глобальную стратегическую обстановку и, соответственно, затрудняет принятие решений в кризисной ситуации⁸.

Усложняет ситуацию и *смешанное базирование* на одних и тех же платформах ядерных и неядерных вооружений. В результате пуск баллистических или крылатых ракет с обычным вооружением будет рассматриваться оппонентом как возможное приме-

нение ядерного оружия, вызывая соответствующую реакцию⁹.

Появление *ядерных вооружений малой мощности* теоретически призвано укрепить ядерное сдерживание, заведомо повышая цену агрессии с применением обычных вооружений. В то же время наличие таких средств и готовность к их боевому использованию снижают порог применения ядерного оружия и, следовательно, вероятность перерастания вооруженного конфликта в ядерную войну.

Развитие *противоспутниковых средств* позволяет манипулировать спутниками противника, включая элементы систем предупреждения о ракетном нападении; нарушать их работу и даже уничтожать при помощи противоспутниковых систем, размещенных на Земле.

Свертывание контроля над вооружениями с перспективой полного отказа от него — в результате расторжения или прекращения действия договоров ДПРО, ДРСМД и ДСНВ-3 — открывает новую эпоху стратегических взаимоотношений между США и Россией, в которой развитие ядерных вооружений не будет регулироваться международными соглашениями. Снятие договорных ограничений и большая закрытость в ядерной области будут усиливать недоверие и логически вести к преувеличенным представлениям о возможностях противника, а соответственно — к гонке вооружений. Подобное поведение ядерных держав еще больше подорвет Договор о нераспространении ядерного оружия.

В частности, *прекращение действия Договора по РСМД* чревато опасным ростом уровня противостояния между ведущими ядерными державами. Размещение Соединенными Штатами ракет средней дальности в западной части Тихого океана (с целью ограничить развитие аналогичных китайских средств) может создать для Пекина ситуацию, аналогичную той, в которой оказалась Москва в начале 1980-х годов после размещения американских РСМД в Европе. Сокращение полетного времени до столицы и важнейших ракетных баз может заставить государство, оказавшееся в уязвимом по-

ложении, принять более решительную ядерную стратегию. Если же Вашингтон — несмотря на сегодняшние заверения об отсутствии таких планов — все же примет решение о возвращении РСМД в Европу (например, в Польшу), то европейская ситуация начала 1980-х может повториться в более опасном варианте. Россия неизбежно предпримет ответные шаги, и в результате опасность непреднамеренного ядерного конфликта резко возрастет.

Одним из наиболее серьезных технологических вызовов XXI века стало появление *кибероружия*. Оно дает возможность «отключать» системы энергоснабжения крупных городов, коммуникации, транспортные сети, всю инфраструктуру отдельных государств и целых регионов. В настоящее время системы управления и связи стратегических ядерных сил ведущих держав считаются надежно защищенными. В то же время существуют исследования¹⁰, где утверждается, что это не так. Даже теоретическая возможность «отключить ядерную кнопку» эвентуального противника может стать фактором, способным полностью дестабилизировать стратегическую ситуацию.

В любом случае гражданская инфраструктура является крайне уязвимой перед кибератаками, источником которых могут быть не только государства, но и группы, а также отдельные лица. Удар по инфраструктуре сопоставим с применением самого разрушительного оружия. Такой удар не может оставаться без ответа. В США уже рассматривают возможность применения ядерного оружия против киберагрессора. Проблема в том, что источник кибернападения не может быть абсолютно точно определен. Такая ситуация открывает перспективу для киберопераций «под чужим флагом», игры со стороны на противоречиях между государствами.

Важные изменения произошли и в сознании людей. Несмотря на возвращение державного соперничества и даже — в случае США и России — конфронтации, в обществах и политических элитах США и Европы сейчас *практически отсутствует страх перед ядерной войной*. Психологически ядерный фактор часто выносится за скобки, и состояние мира, в котором западные общества пребывают почти 75 лет, при-

нимается как должное и надежно гарантированное. Возможность войны не отрицается, но начиная с первой Войны в Заливе (1991) сложился стереотип войны как экспедиционной кампании, не затрагивающей напрямую безопасность западных государств и их граждан за исключением профессиональных военных. Американские специалисты открыто обсуждают стратегии достижения победы над любым противником — включая Россию и Китай — с применением неядерных или только нестратегических ядерных вооружений¹¹.

Налицо парадокс: с одной стороны, образ ядерной войны, довлеющий над обществом всю вторую половину XX века, оттеснен на далекую периферию сознания. Общественное мнение в странах Запада демонстрирует абсолютное неприятие любого применения ядерного оружия, затрагивающего территорию их стран. С другой стороны, силовая политика не только не исчезла, но стала более активной. При этом США сталкиваются с вопросом, как реализовать огромное военное превосходство в отношениях с ядерными державами, которые Пентагон официально относит к соперникам, — Китаю и России.

В России, напротив, ядерный фактор обеспечения национальной безопасности с 2000-х годов выдвинулся на видное место. По признанию президента Владимира Путина, в ходе украинского кризиса 2014 года российские стратегические ядерные силы были приведены в состояние повышенной готовности¹². В. Путин как бы напоминал руководству США и их союзников, что Россия остается крупнейшей — наряду с США — ядерной державой и не будет стесняться использовать ядерный фактор в защите своих важнейших интересов. Российский президент сделал ряд публичных заявлений, в которых откровенно говорил о сценариях ядерной войны. Говоря о ядерном возмездии, В. Путин предупредил, что Россия «не заинтересована» в мире, где ее не будет¹³. Рассказывая о стратегии ответно-встречного ядерного удара, он сказал, что «мы (россияне. — *Прим. авт.*) попадем в рай», а агрессор — в ад¹⁴.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Очевидно, что развитие технологий ведет к изменениям военно-доктринального характера. Президент Путин заявил об ответно-встречном ядерном ударе как об основной стратегии применения ядерного оружия РФ¹⁵. В отличие от ответного удара, который наносится, после того как ядерные заряды противника уже достигли территории государства, такая стратегия несет в себе риск, поскольку не дает полной гарантии от ошибки.

В странах НАТО преобладает точка зрения, согласно которой Россия в последние годы приняла т. н. стратегию «эскалации для деэскалации», то есть первого применения ядерного оружия с целью завершения военного конфликта на выгодных или приемлемых для себя условиях¹⁶. В России такую интерпретацию называют неверной, отмечая, что исторически не делали ставку на ведение ограниченных ядерных войн¹⁷. Наоборот, военно-политическое руководство в Москве традиционно исходило из принципиальной невозможности ограничить ядерную войну.

Действительно, применение тактического ядерного оружия открывает возможность для неконтролируемой эскалации. Кроме того, в отличие от США, отделенных от возможных театров войны океанами, ограниченная война с применением ядерного оружия велась бы вблизи от российских границ или на российской территории. Тем не менее еще в начале 1990-х годов Россия отказалась от декларативного обязательства Советского Союза не применять ядерное оружие первой. В военной доктрине РФ указывается, что ядерное оружие может быть применено, если под угрозой окажется существование государства.

Это положение появилось в доктрине, когда обычные вооруженные силы России были существенно ослаблены и ядерная мощь виделась единственным гарантом военной безопасности страны. Возникает, однако, вопрос: что именно считать угрозой для существования государства? Будет ли считаться такой угрозой, например, локальное военное поражение,

ведущее, возможно, к падению существующей власти, но не угрожающее жизни подавляющего большинства граждан страны? Можно предположить, что ни одна из трех крупных держав не смирится с унижительным поражением в конфликте с использованием только обычного оружия.

Применение ядерного оружия первым в ходе уже начавшегося локального или регионального конфликта с целью его деэскалации на выгодных или приемлемых для себя условиях является стержневым элементом политики сдерживания. Если перед военными США стоит вопрос, как защитить союзников и одержать победу над противником, обладающим ядерным оружием, то для руководства России актуальна другая проблема: нивелирование огромного превосходства в обычных вооружениях, которыми обладают США. Необходимо учитывать также возможность использования ядерного оружия в ходе локальных/региональных конфликтов за пределами треугольника США — Китай — Россия. В этом последнем случае, вероятно, крупные державы постараются остановить конфликт, угрожающий последствиями остальному миру.

В начале XXI века ядерное сдерживание, несмотря на все присущие ему противоречия, продолжает играть роль главного фактора стабильности в отношениях между ядерными державами.

И в то же время ситуация в мире существенно усложнилась по сравнению с периодом Холодной войны. Взрывное развитие технологий подталкивает к приобретению стратегических преимуществ. Психологические барьеры, способствовавшие во второй половине XX века стратегической сдержанности, резко понизились. Доктринальные новации, формально призванные укрепить сдерживание, фактически снижают порог применения ядерного оружия.

Наряду с геополитическими сдвигами технологические новации и изменения в доктринах требуют уточнить содержание самого понятия «стратегическая стабильность».

РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

На исходе Холодной войны США и СССР совместно выработали формулу стратегической стабильности. Последняя определялась как отсутствие у обеих сторон стимулов для нанесения первого ядерного удара. Невозможность добиться каких-либо преимуществ путем нанесения ядерного удара первой делала такой удар с любой стороны иррациональным. Нерациональность первого ядерного удара, в свою очередь, делала нерациональным само понятие ядерной войны. Если не будет первого удара — не может быть и ответного удара. Соответственно, если ядерную войну невозможно выиграть, ее не следует вести. Безупречная логика.

В XXI веке это положение полностью сохраняет свое значение. Будучи необходимым, оно, однако, не является достаточным. В период Холодной войны стратегическая стабильность основывалась на достоверности ядерного сдерживания. Сдерживание при этом понималось как гарантированная способность США и СССР нанести противнику неприемлемый ущерб, исчислявшийся десятками миллионов человеческих жертв и утратой значительной части национального достояния¹⁸. В начале XXI века вооруженные силы ведущих держав по-прежнему обладают такой способностью. В то же время общественное сознание считает неприемлемым уже *любое* применение ядерного оружия против крупного города. Такой новый взгляд на последствия ядерных ударов и, соответственно, на войну с применением ядерного оружия во многом обесценивает понятия стратегического баланса и военно-стратегического паритета. Численные параметры — количество ракет, боеголовок, их суммарный мегатоннаж и проч. — существенно утрачивают значение. Смысл имеет достаточность, т. е. поддержание потенциала гарантированного ответного ядерного удара. Такой подход дает двойную гарантию — уничтожения агрессора и несовершения стратегической ошибки.

К согласованным в 1990 году между Вашингтоном и Москвой условиям стратегической стабильности (гарантированная способность к ответному удару,

высокая выживаемость стратегических ядерных сил и невозможность одним ядерным зарядом уничтожить большое количество ядерных зарядов противника) необходимо добавить новые.

В современных условиях критерием стабильности становится отсутствие не только стимулов к первому (массированному) ядерному удару, но к первому применению ядерного оружия в любом виде и на всех уровнях: глобальном (в треугольнике США — Россия — Китай) и региональных (в Южной, Восточной и Западной Азии). Это, безусловно, многократно более сложная задача, учитывая само существование ядерного оружия и необходимость сохранения ядерного сдерживания, а следовательно, и его достоверности.

В глобальном российско-американо-китайском треугольнике присутствует, по-видимому, общее понимание базовой устойчивости сдерживания на стратегическом уровне. Взаимная уязвимость сторон делает первый ядерный удар бессмысленным. Здесь основной проблемой становится необходимость исключить применение ядерного оружия первым в начавшемся региональном конфликте. Речь идет о конфликте, например, в Восточной Европе или Восточной Азии, куда оказываются вовлечены крупные ядерные державы — США против России или США против Китая. Чтобы предотвратить такое применение ядерного оружия, требуется, в свою очередь, воспрепятствовать региональному вооруженному конфликту, способному поставить под вопрос целостность политической системы одной из крупных ядерных держав.

Технологических гарантий, которые могли бы в таких случаях полностью исключить применение силы рациональными игроками, не существует. Линии связи и коммуникации между крупными державами могут воспрепятствовать вооруженным инцидентам или купировать их эскалацию. Но предотвратить политические конфликты, грозящие вооруженными столкновениями, невозможно в принципе, если не существует единой системы союзов или обществ безопасности. Создания такой системы между РФ и США или КНР и США в обозримом будущем не предвидится. Остается уповать, что сама

опасность разрастания локального конфликта в региональную войну, чреватую катастрофическими последствиями, заставит геополитических соперников проявлять сдержанность и удерживаться от непоправимых шагов.

Такая ситуация существует в отношениях между Россией и странами НАТО. Трудно представить себе нападение со стороны ядерной державы на одного из участников альянса, возглавляемого другой ядерной державой. Столь же трудно представить себе масштабную агрессию НАТО против России, способной уничтожить и Северную Америку, и Европу. У потенциального агрессора нет и не может быть никакой уверенности, что ему удастся использовать свое превосходство в обычных вооружениях без риска подвергнуться в ответ удару с применением ядерного оружия. Ситуация ядерного сдерживания между РФ и США распространяется, таким образом, и на союзников США в Европе.

Ситуация между Китаем с одной стороны и США и их азиатскими союзниками с другой отчасти аналогична российско-натовской. Нападение Китая на Японию или Южную Корею можно считать столь же невероятным, как агрессию США против КНР. В то же время в западной части Тихого океана есть ряд ситуаций, где подобная ясность отсутствует. Это, к примеру, территориальные споры в Южно-Китайском море и возможность эвентуального конфликта в Тайваньском проливе. Ядерное сдерживание на эти регионы не распространяется, риск эскалации присутствует. Предотвратить эскалацию способны линии связи и коммуникации между военными командованиями США и Китая, а также контакты и диалог на политическом уровне между Пекином и Вашингтоном.

Отношения между Китаем и Индией уже включают элемент ядерного сдерживания. Это не предохраняет Пекин и Дели от вооруженного столкновения, но очевидно удерживает обе стороны от применения ядерного оружия, а значит, и от масштабной войны. За четверть века обладания ядерным оружием Индия и Пакистан приобрели опыт сосуществования в условиях ядерного сдерживания. Ситуация между Дели и Исламабадом гораздо менее устой-

чива, чем между Дели и Пекином, но факт налицо: после 1998 года между Индией и Пакистаном прекратилась серия войн, сотрясавших Южную Азию в течение пятидесяти лет. Дальнейшему укреплению стабильности здесь, как и в других случаях, могут служить каналы оперативной связи между военными и политический диалог.

Наиболее неясной и дестабилизирующей представляется усложняющаяся ситуация вокруг КНДР. Трудно судить, насколько имеющиеся у Пхеньяна средства ядерного нападения способны удержать США от попытки осуществить при необходимости денуклеаризацию Северной Кореи силой. Увеличение возможностей американской ПРО и развертывание в регионе Северо-Восточной Азии американских высокоточных ракет средней и меньшей дальности может создать у руководства США убежденность в способности отразить пуск ядерных ракет КНДР, которые уцелеют после удара США. Невозможно также с абсолютной уверенностью утверждать, что руководство КНДР никогда не применит ядерное оружие в агрессивных целях против Южной Кореи или Японии. Давно существуют и сценарии ядерной дестабилизации, связанные с теоретической возможностью внутреннего кризиса в КНДР.

Помимо неприменения ядерного оружия кем бы то ни было и где бы то ни было, другими критериями стратегической стабильности являются *неуязвимость ядерных arsenалов и военной ядерной инфраструктуры от парализующих кибератак, а также запрет на противоспутниковое оружие.*

ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Для поддержания минимума стабильности необходимо гарантированно предотвратить ставшее вновь возможным военное столкновение между США и Россией, а также эвентуальный конфликт между США и Китаем. С этой целью уже сейчас в круглосуточном режиме действуют *линии связи между высшим военным руководством (министрами обороны и начальниками генеральных штабов) и основными командовани-*

ями вооруженных сил США/НАТО и России. Прямые каналы общения помогают предотвратить инциденты в воздухе, на море и на земле, где задействованы вооруженные силы РФ и США/НАТО, а в случае если такие инциденты произойдут, быстро купировать их, исключая неконтролируемую эскалацию. Аналогичную функцию выполняют каналы связи между руководствами Вооруженных сил США и Народно-освободительной армии Китая. Важную роль может играть канал связи между руководителями разведывательных служб США и РФ, США и КНР. Прямые контакты на высшем уровне критически важны как средство деэскалации в наиболее опасных ситуациях.

Наряду с постоянно работающими линиями связи необходим регулярный диалог руководителей аппаратов советов безопасности, военных ведомств и специальных служб США и Китая, США и России. Такой диалог позволяет сторонам лучше понимать стратегическую логику друг друга, содержание военных доктрин и смысл подходов к важнейшим проблемам глобальной и региональной безопасности. В то же время приходится учитывать, что более широкий российско-американский стратегический диалог останется надолго заблокированным по политическим причинам. В российско-китайских отношениях ситуация иная. Помимо активного диалога на высшем уровне между Москвой и Пекином, развитие военного и военно-технического сотрудничества двух стран, в том числе совместные учения их вооруженных сил, способствуют лучшему пониманию военно-доктринальных взглядов и направленности военного строительства друг друга.

Стратегическая стабильность не сводится к наличию функционирующих договоров о контроле над вооружениями. Договоры и особенно обеспечиваемая ими взаимная транспарентность укрепляют доверие между сторонами, но в основе стабильности лежит все же надежность взаимного сдерживания. Приближающееся завершение эпохи контроля над вооружениями в его нынешнем российско-американском формате заставляет искать новые пути укрепления стабильности. Эти усилия не безнадежны. Руководители России, США и Китая не могут не осознавать колоссальную опасность ядерной войны.

Разумеется, профессиональное обсуждение между США и РФ вопросов стратегической стабильности, не нацеленное на подготовку договоренностей, малоэффективно в условиях растущего недоверия и взаимной подозрительности. Аналогичный диалог между США и КНР еще не начинался, и договориться о нем в условиях усиливающейся напряженности будет трудно. Такое положение, однако, не должно препятствовать согласованию *различных мер по предотвращению вооруженных инцидентов и неверного толкования действий противоположной стороны.*

Начиная с третьего десятилетия XXI века мир вступит, вероятно, в эпоху развития и развертывания стратегических вооружений, не контролируемых международными договорами. Из этого не следует, что это будет время стратегического хаоса. В новых условиях, чтобы сохранить стабильность, руководству *России, США и Китая предстоит действовать, как правило, в одностороннем порядке.* В идеале Вашингтон, Пекин и Москва, исходя из собственных интересов, должны удерживаться от шагов, расшатывающих или подрывающих стратегическую стабильность, а следовательно, и национальную безопасность своих стран. На практике проявлять такую сдержанность будет не просто. От каждой из сторон потребуются целенаправленные усилия, чувство ответственности и политическое мужество — дефицитные качества среди современных политиков.

Укреплению стабильности способствовало бы принятие Россией, как и США, стратегии ответного удара в качестве основного сценария *применения ядерного оружия.* Для этого есть необходимые предпосылки:

- российские мобильные средства — баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), мобильные межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) — обладают высокой степенью выживаемости;
- в российских ВС существует разветвленная система командных пунктов;
- приказ на ответное применение ядерного оружия может быть отдан и после состоявшегося ядерного нападения противника: глубокий от-

ветный удар, наносимый средствами, уцелевшими после первого удара противника, гарантирует уничтожение агрессора.

Добиться подключения Китая к еще действующим российско-американским договоренностям представляется невозможным. Столь же нереально в обозримом будущем заключение трехсторонних соглашений в ядерной области между США, Россией и Китаем. В то же время возможны двусторонние *консультации между Вашингтоном и Пекином по вопросам стратегической стабильности.* Такие консультации сняли или уменьшили бы озабоченности Вашингтона по поводу «угрожающего безопасности США наращивания ракетно-ядерного арсенала КНР» и помогли бы предотвратить провоцирующее усиление американского потенциала вблизи берегов Китая. Как и в отношениях Вашингтона и Москвы, важнейшую стабилизирующую роль в американо-китайских отношениях могут сыграть *постоянные контакты по военной линии.*

Денуклеаризация Северной Кореи — в смысле полного отказа Пхеньяна от ракетно-ядерного оружия и полной ликвидации соответствующего потенциала в обмен на словесные обещания Вашингтона не нападать на КНДР — нереальна. *Собственное ядерное оружие и способность доставить его на территорию США являются единственной мыслимой гарантией безопасности режима КНДР. Признание этой реальности со стороны США и отказ от попыток силового решения ядерной проблемы КНДР были бы в интересах региональной и глобальной стратегической стабильности.* Важнейшей основой для укрепления мира в Северо-Восточной Азии может стать дальнейшее развитие экономических связей, политических отношений и гуманитарных контактов между двумя корейскими государствами.

Стабильность в Южной Азии необходимо укреплять, создавая на путях *потенциал взаимного доверия между Дели и Исламабадом.* Ядерное сдерживание между Индией и Пакистаном требует совершенствования каналов экстренной связи, взаимного информирования о состоянии и развитии ядерных потенциалов, диалога по военно-политическим вопросам и проблемам без-

опасности. Ответственность за это полностью лежит на политических лидерах и — особенно в случае Пакистана — военных командованиях двух стран.

Учитывая, что ядерное оружие Индии служит средством сдерживания не только Пакистана, но и Китая, стабильность в Азии зависит от характера китайско-индийских стратегических отношений. *Развитие политического диалога между Пекином и Дели* позволяет надеяться, что две великие державы континента смогут выстроить отношения стратегического равновесия. В этом случае их неизбежная конкуренция будет дополняться сотрудничеством и ограничиваться взаимной сдержанностью в ядерной области. Как и в случае с Пакистаном, отношения Индии и Китая в столь чувствительной сфере — исключительно двусторонний сюжет. Тем не менее членство Пакистана, Индии, Китая, а также России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) создает дополнительные условия для диалога, в том числе по вопросам стратегической стабильности.

На Ближнем и Среднем Востоке важнейшей задачей является *удержание Тегерана в рамках международного соглашения 2015 года по иранской ядерной программе*, несмотря на выход из него в 2018 году США. Важнейшая роль в этом принадлежит Великобритании, Германии и Франции, которые пытаются поддерживать экономические отношения с Ираном вопреки вероятным вторичным санкциям США. Возможности стран ЕС противостоять давлению США ограничены. В этих условиях ключевую роль в попытке предотвратить принятие Ираном решения о создании ядерного оружия могут сыграть Китай и Индия как ведущие экономические партнеры Ирана, а также Россия как его военно-политический партнер и поставщик вооружений. Возможное в перспективе вступление Ирана в ШОС помогло бы активизировать диалог между Ираном и основными державами Азиатского континента.

Итак, суммируя сказанное:

1. В XXI веке стратегическая стабильность означает отсутствие стимулов для любого применения ядерного оружия.

2. Стабильность основывается в первую очередь на взаимоотношениях трех соперничающих держав — США, Китая и России — и затем на политике других государств, обладающих ядерным оружием, прежде всего Индии, Пакистана, КНДР.

3. Стабильность обеспечивается доктринальной сдержанностью, технологическими и организационными решениями, лишаящими обладателей ядерного оружия стимулов к его применению.

4. Стабильность предполагает одностороннюю, двустороннюю (например, США — КНР, США — РФ, КНР — Индия и т. д.) или многостороннюю сдержанность в разработке, производстве, испытаниях или развертывании вооружений в условиях сохраняющего свою роль ядерного сдерживания.

5. Механизмы контроля над вооружениями уступают место механизмам предотвращения конфликтов; мерам доверия, транспарентности; консультациям и диалогу.

6. Устойчивость ядерных потенциалов и связанных с ними систем управления, связи и разведки к воздействию кибероружия является неотъемлемым условием стабильности.

Сделанный в конце XX века вывод о том, что в ядерной войне не может быть победителей и что ее нет никакого смысла начинать¹⁹, полностью верен и сегодня. Стратегическую стабильность можно обеспечить и в усложнившихся условиях XXI века, но такие усилия требуют нового взгляда на вещи, новой стратегии действий и новых инструментов.

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Тренин — директор Московского Центра Карнеги, председатель научного совета и руководитель программы «Внешняя политика и безопасность».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Тренин Д.* Европейская безопасность — от «лишь бы не было войны» до поиска нового равновесия. — М.: Московский Центр Карнеги, 2018 // <https://carnegie.ru/2018/02/26/ru-pub-75620>
- 2 *Румер Е., Тренин Д., Вайсс Э.* Саммит Трамп — Путин: появится ли у российско-американских отношений «защитное ограждение»? — 12 июля 2018 года // <https://carnegie.ru/2018/07/12/ru-pub-76807>
- 3 *Тренин Д.* От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанга. — М.: Московский Центр Карнеги, 2015 // <https://carnegie.ru/2015/05/13/ru-pub-60066>
- 4 Под «отбрасыванием» мы имеем в виду действия РФ в Грузии в 2008 году и на Украине в 2014-м, имевшие главной целью блокирование дальнейшего расширения НАТО на восток. Примером активного противодействия политике США может служить российская военная операция в Сирии — операция, которая предотвратила насильственную смену режима в Дамаске и остановила поддерживаемую Западом «арабскую весну».
- 5 *Tong Zhao, Li Bin.* The Underappreciated Risks of Entanglement: A Chinese Perspective // Entanglement: Chinese and Russian Perspectives on Non-nuclear Weapons and Nuclear Risks / ed. by James Acton. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2017 // <https://carnegieendowment.org/2017/11/08/underappreciated-risks-of-entanglement-chinese-perspective-pub-73164>
- 6 Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. — 1 марта 2018 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
- 7 *Дворкин В.* Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить. — 28 ноября 2018 года // <https://carnegie.ru/2018/11/28/ru-pub-77809>
- 8 *Дворкин.* Стратегическая стабильность; *Арбатов А.* Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности. Гарантия или угроза. — 28 января 2019 года // <https://carnegie.ru/2019/01/28/ru-pub-78209>
- 9 *Эттон Дж.* Серебряная пуля? Правильные вопросы о «ядерном быстром глобальном ударе». — М.: Московский Центр Карнеги, 2014 // <https://carnegie.ru/2014/11/13/ru-pub-57222>
- 10 В частности, в США и Великобритании; см., например: *Стефанович Д.* Ядерно-кибернетические комплексы. — РСМД. Проект «Информационная безопасность, противодействие киберугрозам и использование Интернета в целях защиты национальных интересов России на международной арене». — 6 июля 2017 года // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaderno-kiberneticheskie-kompleksy/>
- 11 Доклады RAND, Atlantic Council.
- 12 Крым. Путь на Родину. Документальный фильм // <https://www.youtube.com/watch?v=t42-71RpRgI>
- 13 Миропорядок-2018. Документальный фильм.
- 14 Заседание дискуссионного клуба «Валдай». — Президент России. — 18 октября 2018 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>
- 15 Там же.
- 16 См., например: *Колби Э.* Хотите мира, готовьтесь к ядерной войне. — Россия в глобальной политике. — 21 ноября 2018 года // <https://globalaffairs.ru/number/Khotite-mira-gotovtes-k-yadernoi-voine-19839>
- 17 Генерал Виктор Есин на семинаре Московского Центра Карнеги «Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить?», 29 ноября 2018 года // <https://carnegie.ru/2018/11/29/ru-event-7015>
- 18 В 1960-е годы министр обороны США Роберт Макнамара определял неприемлемый ущерб для сторон от ядерного удара как уничтожение от одной четвертой до одной трети населения и от половины до двух третей их промышленного потенциала.
- 19 См., например: Встреча Михаила Горбачева и Рональда Рейгана в Женеве. 19–21 ноября 1985 года. — РИА «Новости» // <https://ria.ru/20151119/1322811722.html>

© 2019 Фонд Карнеги за Международный Мир.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Публикация подготовлена в рамках проекта «Стратегическая стабильность в XXI веке», реализуемого при финансовой поддержке Министерства иностранных дел и по делам Содружества (Великобритания).

